

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК: ПРОБЛЕМА ЕДИНИЧНОГО И ОБЩЕГО

Н.В. Шрамко

В данной статье мы рассмотрим проблему соотношения общего и единичного в гуманитарном исследовании, так как именно на этом материале может быть выявлена специфика гуманитарного знания как по отношению к естествознанию, так и относительно философии. Это не есть проблема предмета науки, но проблема характера научного исследования, проблема его целей и результатов.

Любая естественнонаучная дисциплина, независимо от того, что является ее специальным предметом, прежде всего, стремится изучить общие закономерности, связанные с этим предметом (вот почему в естествознании такую важную роль играют так называемые законы наук — в сущности, к выявлению этих законов тут и сводится все дело). Так, к примеру, теоретическая физика никогда не ставит своей задачей изучить вот этот конкретный электрон, но — общие закономерности существования электронов вообще и движения тел вообще. В философии мы сталкиваемся с тем же самым. Этике, как науке, не интересен вот этот данный человек, она занята познанием Человека!

Между тем, в специальных гуманитарных науках (истории, литературоведении и т. п.) все обстоит с точностью до наоборот. Историк не занят изучением законов истории (это — дело социального философа), его интерес прикован к тому или иному государству, человеку, народу, существовавшему в то или иное время, или к тому или иному отрезку времени и всему, что так или иначе связано с этим временным промежутком (конкретные события, происходившие в это время и т. п.). Точно так же, филолог не изучает язык вообще (этим занята философия языка), но исследует, например, способ использования в

данном конкретном языке того или иного слова, то или иное литературное произведение и т. п.

Этот подход гуманитарному знанию был всесторонне обоснован в трудах представителей Баденской школы неокантианства (В. Виндельбанд, Г. Риккерт). Несмотря на сильную критику (не всегда, к сожалению, корректную), которой подверглась данная концепция (в основном, со стороны позитивистски мыслящих, ориентированных на естествознание исследователей), основная идея, заложенная в ней, в целом соответствует реальному положению дел. Практически все специалисты в области гуманитарных наук признавали и признают справедливость этого тезиса. И если В. Дильтей высказывался еще достаточно осторожно:

Понимание частного, индивидуального служит в них [науках о духе] ... конечной целью не в меньшей мере, чем разработка абстрактных закономерностей [2, с. 128],

то Р. Унгер прямо утверждал:

В исторических науках дело идет прежде всего о специфике частного, об органически сложившейся внутренней индивидуальности, а не о более общих чертах внешнего проявления и форм существования [3, с. 147].

Показательно также следующее его замечание:

Теории, будто в исторической жизни, как в природе, нас ждут аналогии, единообразия, закономерности, из которых обобщающими методами можно вывести обобщающие понятия и законы, — это позитивистская гипотеза, сегодня повсеместно признанная ошибочной [3, с. 143].

А вот, например, как в одном из интервью описал свое отношение к общим закономерностям и свое видение задач исторического исследования известный историк XX в. Р. Конквест:

Как историк, я не люблю теоретических обобщений и не доверяю им. Логически все подверстывается под тезис безусловно, а жизнь куда-то ускользает... Вот эту ускользающую жизнь я и стремился передать.

Гуманитарные науки — это сфера, где господствует индивидуальное, единичное. Общее здесь играет лишь вспомогательную роль. Тем

самым вовсе не отрицается (как это иногда думают) тот факт, что общее в сфере исторической действительности, языка и т. п. существует, и что его изучение может представлять громадный гуманитарный интерес. Рассмотрение тех или иных закономерностей часто становится предметом исследования и в гуманитарных науках. Однако эти закономерности не входят в круг основных интересов гуманитарных наук, которые прежде всего нацелены на изучение единичного. Естествензнание же и философия, напротив, стремятся к постижению общего, и с единичным имеют дело лишь постольку, поскольку это способствует овладению общим.

В этой связи имеет смысл рассмотреть проблему соотношения фундаментальных (чистых, теоретических) и прикладных исследований. Всякая наука (физика, математика, история и т. д.) складывается из комплекса фундаментальных дисциплин (например, теоретическая механика) и прикладных дисциплин (например, сопротивление материалов). Прикладные исследования, с одной стороны, представляют собой область, в которой находит применение тот или иной результат фундаментальной науки, а с другой стороны — они доставляют материал, на котором основываются фундаментальные исследования. В естествознании и философии изучением общего занимаются фундаментальные исследования, а единичное — дело прикладных дисциплин. В гуманитарном же познании, главное — это исследование единичного, а общее имеет лишь прикладное значение. Само понимание закона в гуманитарных науках существенно отличается от естественнонаучного понимания:

Известно, какое множество принципиальных разбирательств, дискуссий и теорий вызвало одно только понятие закона в аспекте его применения к наукам о культуре. В общем и целом, главная тенденция, несомненно, сводится к тому, чтобы впредь тщательно ограждать понятие закона в культуре, насколько вообще возможно пользоваться таковым, от любых аналогий или отождествлений с естественнонаучным законом, приспособлявая его к существу и особым условиям исторической жизни, все больше и больше дифференцируя и оттачивая его сообразно специфике конкретных областей культуры и одновременно в ходе этой конкретизации все больше рассматривая его изнутри [3, с. 164].

Как в химической лаборатории исследуют те или иные конкретные вещества, но лишь затем, чтобы, обобщив результаты опытов, выявить закономерности в чистом виде, присущие тому или иному веществу во

все времена и в любой точке пространства, точно так же и историк для объяснения тех или иных поступков определенных людей или социальных групп, возможно, привлекает общие закономерности (но, конечно же, далеко не ограничивается ими). Однако эти закономерности имеют лишь подчиненное значение, они — лишь средство, а цель — вот этот конкретный человек, или народ, или время. Это обстоятельство с предельной четкостью зафиксировал Г.-Г. Гадамер:

Как бы ни было распространено в исторической науке в целом применение более общих методов к тому или иному предмету исследования, историческое познание тем не менее не имеет своей целью представить конкретное явление как случай, иллюстрирующий общее правило. Единичное не служит простым подтверждением закономерности, которая в практических обстоятельствах позволяет делать предсказания. Напротив, идеалом здесь должно быть понимание самого явления в его однократной и исторической конкретности. При этом возможно воздействие сколь угодно большого объема общих знаний: цель же состоит не в их фиксации и расширении для более глубокого понимания общих законов развития людей, народов, государств, но напротив, в понимании того, каковы этот человек, этот народ, это государство, каково было становление, другими словами — как могло случиться, что они стали такими [1, с. 45-46].

Важно отметить, что мы, ни в коем случае не умаляя роли и значения прикладных дисциплин, тем не менее, считаем, что облик науки определяется в первую очередь ее фундаментальными разделами. Физика как наука — это, прежде всего, теория относительности, общая электродинамика, квантовая механика и так далее. Именно поэтому, когда мы говорим, что история изучает единичное, то прежде всего мы рассматриваем историческое знание в чистом виде, без всяких примесей социологических, политологических или социально-философских концепций, то есть, исследование некоторого конкретного явления, процесса, и т. п. прошлого.

Здесь, пожалуй, необходимо более подробно остановиться на том, что мы понимаем под «изучением единичного». Дело в том, что в этом вопросе иногда приходится сталкиваться со следующим недоразумением. Говорят: разве можно утверждать, что история (и другие гуманитарные науки) занимаются «всего лишь» изучением единичного, то есть, констатацией фактов? Ведь в таком случае историк превращается в подобие какого-то «регистратора» этих самых фактов. Но

допустимо ли так ограничивать задачу историка и исторической науки? В связи с подобными возражениями, следует, во-первых, заметить, что даже если бы история и имела дело лишь с констатацией фактов, то и тогда историк вряд ли превратился бы в примитивного регистратора. Ведь само понятие «факта» крайне расплывчато и неопределенно. Тем более нужно быть осторожным, когда речь идет об «исторических фактах». Информацию о «фактах» историк получает из исторических свидетельств, различных документов, результатов археологических раскопок и т. п. Информация эта часто бывает неполной или противоречивой. Поэтому элементарной «регистрацией» ограничиться просто невозможно. Так или иначе необходимо прибегать к углубленному критическому анализу документов, свидетельств, источников, дабы выяснить, какое из них правдиво, а какое вводит в заблуждение. Не обойтись также и без элементов реконструкции, восстановления пробелов, истолкования обретенных артефактов и тому подобных вещей. Во-вторых, и это главное — необходимо со всей определенностью подчеркнуть, что «изучение единичного» вовсе не сводится к простой констатации. Отождествлять изучение единичного с констатацией можно лишь имея довольно сильное пренебрежение к единичному. Такого рода пренебрежительное отношение к единичным явлениям как раз и диктуется тем идеалом, который характерен для естественнонаучного и общеприродного знания. Между тем, любой «общий закон», любое «общее положение» или «общий принцип» ничуть не богаче содержанием какого-нибудь единичного «факта», «явления» или «процесса»¹. Понять того или иного человека — его мысли, слова, поступки, желания, намерения (а именно эти аспекты человека лежат в центре гуманитарного интереса) ничуть не легче (а может быть и неизмеримо труднее), чем познать «природу человека» вообще. И знание, полученное в результате изучения какого-нибудь существовавшего в прошлом человеческого сообщества, ни в коем случае не беднее знания какого-либо «закона истории», и уж во всяком случае, не относится к знанию второго сорта.

Итак, познание единичного всякий раз является сложнейшей задачей человеческого разума, включающей такие тонкие аспекты как понимание, объяснение, историческая критика, сравнительный анализ и тому подобные вещи, а решение таких задач как раз и является делом гуманитарных наук.

¹Более того, если обратиться к хорошо известному логическому закону обратного соотношения между объемом и содержанием понятий, то необходимо признать, что единичное обладает более богатым содержанием, чем общее.

Когда Дж.Ст. Милль обосновывал методологическое единство естествознания и наук о духе, он исходил из того, что при всем различии предметов, изучаемых этими отраслями знания, цель у них одна — исследование общих закономерностей. Отсюда он необходимым образом выводил единство методов наук о природе и наук о культуре. Тем не менее, на наш взгляд, именно такое единообразие отсутствует в научной действительности. Но если мы хотим обосновать специфику и своеобразие методов гуманитарных наук, то мы должны исходить не только из специфики их предмета (хотя и из него тоже), но и из того неповторимого соотношения общего и единичного, которое мы обнаруживаем в гуманитарном знании.

1 Литература

- [1] *Гадамер Г.-Г.* Истина и метод. — М.: Прогресс, 1988.
- [2] *Дильтей В.* Наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. — 1988. — № 4. — С. 135—152.
- [3] *Унгер Р.* Философские проблемы новейшего литературоведения // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX—XX вв.: трактаты, статьи, эссе; общ. ред. Г.К. Косиков; сост. Г.К. Косиков. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.

Надійшла до редакції 16 травня 2010 р.